

Судьбы

Машинист горячих путей

Его путь в литературе был наполнен взлётами и падениями

Имя писателя Александра Авдеенко хорошо известно магнитогорцам старшего поколения. Он – автор более сорока книг, которые переведены на пятнадцать языков, в том числе венгерский, китайский и английский. Одним из самых известных его произведений является повесть «Над Тиссой».

Как критик и публицист он печатался на страницах газет «Правда» и «Советская культура», а также журналов «Знамя» и «Советский экран». Особое место в творчестве писателя занимает тема Магнитки: в 1932–1934 годах Авдеенко работал на ММК и здесь заявил о себе как писатель.

– Меня многое связывает с Магнитогорском, – признавался Александр Осипович. – Это город моей юности, здесь я получил первую трудовую закалку, и, кроме того, мы, писатели, в долгу перед тружениками Магнитки. Нет ещё таких произведений, где бы понастоящему был отражён тяжёлый и героический труд магнитогорцев на строительстве комбината в военные годы, в наше время.

Родился Александр Авдеенко в 1908 году на Украине, в городе Макеевка Донецкой области в семье рабочего-шахтёра. В детстве беспризорничал, а как подросток стал работать на шахтах Донбасса, на заводе «Унион» в Макеевке. Позже устроился помощником машиниста паровоза, машинистом горячих путей на строительстве ММК имени Сталина. Одним из первых вошёл в литературную группу «Буксир».

– Кочегар паровоза на горячих путях доменного цеха Александр

Авдеенко – ныне известный писатель – активно участвовал в газете «Доменщик», – вспоминал старейший южноуральский журналист Николай Карташов. – Кроме того, он выпускал ежедневную стенную газету. Поэтому его взяли в аппарат комбинатской газеты «За металл».

В 1933-м Авдеенко с романом «Я люблю» дебютировал в большой литературе. Тогда же принял участие в поездке на Беломорский канал. В плавание отправились 120 советских писателей и деятелей культуры: Алексей Толстой, Всеволод Иванов, Михаил Зощенко, Борис Пильняк, Валентин Катаев, Мариэтта Шагинян, Вера Инбер, Илья Ильф, Евгений Петров и другие. По итогам поездки писатели подготовили коллективную монографию, в которой воспели героический труд и волю чекистов, решившихся на переделку человека и природы.

– Колонна автобусов увозит нас на Ленинградский вокзал, – писал об этом путешествии Александр Авдеенко. – К перрону подан специальный состав из мягких вагонов, сверкающих лаком, краской и зеркальными окнами. С той минуты, как мы стали гостями чекистов, для нас начался полный коммунизм. Едим и пьём по потребностям, ни за что не платим. Копчёные колбасы. Сыры. Икра. Фрукты. Шоколад. Вина. Коньяк. И это в голодный год! Новый день встречаем на Медвежьей горе. Рубленные, в два этажа, казённые дома. Белые, с зарешёнными окнами ряды бараков, захлестнутые гигантской петлёй колючей проволоки. В одном из бараков

писатели-москвичи неожиданно увидели своего собрата, поэта Сергея Алымова, автора любимой народом песни «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд». Обступили, здороваются, похлопывают по плечам, задают вопросы, и среди них неизбежный: «Как ты сюда попал, Серёжа? За какие грехи?» Каналоармеец Алымов махнул рукой, заплакал и полез на верхние нары. Я был поражён тем, что и поэт почему-то тут, за колючей проволокой. Он-то за что? В середине дня к причалу подошёл пароход, на котором недавно товарищи Сталин, Ворошилов и Киров предприняли путешествие по каналу. Теперь пассажирами стали мы, писатели.

Год спустя Александр Авдеенко был принят в ряды Союза писателей СССР и стал участником первого Всесоюзного съезда писателей, проходившего в Свердловске. Максим Горький, выступавший на съезде, назвал книгу Авдеенко «Я люблю» в числе заслуженно любимых читателями произведений.

– Съезд проходил в клубе имени Профинтерна, – вспоминал литератор Александр Лозневой. – Когда я вошёл в зал, то увидел нечто необычное: на сцене стояла – от пола до потолка – огромная обложка книги Авдеенко «Я люблю». Справа, чуть поменьше – обложка книги Ручьёва «Вторая Родина». И докладчики, и выступавшие в прениях говорили о книгах Авдеенко и Ручьёва.

В том же 1934 году директор ММК Авраамий Завенягин премировал магнитогорских литераторов за их достижения: Александр Авдеенко был награждён орденом

Александр Авдеенко

После проработки на заседании ЦК ВКП(б) Александра Авдеенко исключили из партии и Союза писателей, уволили из «Правды»

В числе критиков были Иосиф Сталин и писатели Николай Асеев, Николай Погодин и Александр Фадеев.

Авдеенко вернулся работать на шахту помощником машиниста врубной машины. Война застала его на Украине. Окончив миномётное училище в звании лейтенанта, он попал в действующую армию в 1942 году.

Как вспоминал его сын, Авдеенко, начав писать для фронтовых газет, безуспешно посылал очерки в «Красную звезду», пока один из них – «Искупление кровью» – о бывшем офицере, совершившем в штрафбате подвиг, – редактор газеты на свой страх и риск не послал с фельдсвязью Сталину. И ночью получил от него телефонный звонок: «Можете печатать. Авдеенко искупил свою вину».

– Так отец вернулся в литературу, написал потом много книг, но не изжил в себе боли от несправедливой расправы над человеком, свято верившим в идею социализма, – вспоминал сын Авдеенко Александр. – Так же свято он верил Сталину, пока не узнал всей правды о его деяниях.

В 1943 году Александр Авдеенко был заново принят в Союз писателей СССР, рекомендации ему дали Николай Тихонов и Константин Симонов. В 1944 в «Новом мире» был опубликован его роман «Большая семья». Войну Александр Осипович закончил в звании капитана.

Скончался Александр Авдеенко в 1996 году в Москве, похоронен на Перedelкинском кладбище.

Елена Брызгалова

Поэзия

Борис Ручьёв

«На одном дыхании высоко...»

Биография песни

Перемыты звёзды-недогроз
В ста ручьях,
раскиданных вразброд,
На незабываемых дорогах
Чисто – ни калиток, ни ворот.
Верно, дорогие горожанки,
Множество чудного позади,
Было вечера терять не жалко,
Первым краснобаем проходить.
Молодость,
к чему смешная щедрость?
За весну, за сердце, за девчат
Сколько слов упущено по ветру
Не таких, что песнями звучат.
Молодые, проходите мимо,

Обо мне немножечко грустя,
Я останусь, словно нелюбимый,
Самый бессердечный холостяк.
В полночь все гармоники
устанут
За окном смеяться и стонать.
Я, запевом скованный, не встану
И не отодвину от стола.
Сердце дрогнет
и забьётся громом,
Светлым и богатым, как гроза.
В тишине бессонницы огромной,
В синеву оправившей глаза,
Позабуду ужин, всё на свете
И поверю грозно, без труда
В то, что я из жителей
планеты,
Обойдённых горем навсегда.

Ночь пройдёт неслышно,
а за нею –
Семь других с тревогой провожу.
С каждым часом
чуточку бледнея,
Песню непропетую сложу.
Перестану тишину хранить я,
Встану перед вами строгий, как
Памятник из чёрного гранита
Словно поднимая на руках.
И, друзья, поверите навеки,
Что под небом, ветром и огнём
Громки наши земли, горы, реки...
Мы как победители живём.
Вспомним! На недели
стиснув зубы,
Жили в пору непокорных вьюг
Крепче знаменитых лесорубов,
Ласковее ласковых подруг.
Песню не замените другими.
Получайте. И в конце концов,
В шутку посмеёмся, дорогие,
Над суровой долею певцов.

На рассвете, проходя к забюю,
выше гор гляжу я напролёт
в ту сторонку с дымкой голубую,
где одна желанная живёт.
И, возможно, сам я не замечу,
как всегда в минуту забытья,
я скажу ей, словно бы навстречу:
– С добрым утром, зоренька моя!
А когда промчится та минута,
взгляд остудит вроде ветерка,
легче мне бывает почему-то
лом пудовый, острая кирка.
На ветру спокойно сняв рубаху
и с лица не утирая пот,
целый день я молча
бью с размаху
вечный камень северных широт.
Бью да так,
чтоб кровь кипела в теле,

Всю неоглядную Россию
наследуем, как отчий дом,
мы – люди русские, простые,
своим вскормлённым трудом.
В тайге, снегами занесённой,
в горах – с глубинною рудой,
мы называли хлеб казённый
своею собственной едой.
У края родины, в безвестье,
живя по-воински – в строю,

мы признавали делом чести
работу чёрную свою.

И, огрубев без женской ласки,
приладив кайла к поясам,
за жизнь не чувствую опаски,
шли по горам и по лесам,
насквозь прокуренные дымом,
костры бросая в полумгле,
своей по паспортной земле.
Шли – в скалах тропы пробивали,
шли, молча падая в снегу,
на каждом горном перевале,
на всём полярном берегу.
В мороз работая до пота,
с озноба мучась, как в огне,
мы здесь узнали, что работа
равна отвагою войне.

Мы здесь горбком узнали ныне,
как тяжела святая честь
впервые в северной пустыне
костры походные развесть;
за всю нужду, за все печали,
за крепость стуж и вечный снег
пусть раз проклясть её вначале,
чтоб полюбить на целый век;
и по привычке, как героям,
когда понадобится вперёд,
за всё, что мы на ней построим,
в смертельной битве умереть.

...А ты – вдали, за синим морем,
грустя впервые на веку,
не посчитай жестоким горем
святую женскую тоску.
Мои пути, костры, палатки
издалека – увидя вблизи,
учись терпению солдатки –
как наши матери звались, –
тоску достойно пересилив,
разлуки гордо переживи,
когда годами по России
отцы держали рубежи.